

На правах рукописи

Шевченко Марина Сергеевна

**АРГУМЕНТАТИВНЫЕ СХЕМЫ
И ИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2018

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Ласкова Марина Васильевна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Фанян Нелли Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» / кафедра французской филологии, профессор

Алимурадов Олег Алимурадович, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» / кафедра западноевропейских языков и культур, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Защита состоится «15» ноября 2018 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.17 по филологическим наукам при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»: <http://hub.sfedu.ru/diss/announcements/>

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Овсиенко Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное изыскание посвящается комплексному анализу аргументативных схем, используемых автором юридического текста в целях обоснования актуальной теоретической позиции с опорой на определенные прагматические отношения между аргументом и суждением и лингвистические показатели этих отношений.

Изучение аргументативного потенциала юридического текста проливает свет на язык как стратегическое средство ведения критической дискуссии, предопределяющее материальную связь между исходными посылками и умозаключением, возможные типы обоснования умозаключения. В целях нахождения и производства оптимального аргумента субъект речи прибегает к определенной схеме, которая впоследствии наполняется им теми или иными лингвистическими средствами. Аргументирование и оценка аргументов – важные элементы критического мышления, выражения и доказательства мнения (Фанян, Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура [Текст]: дис. ... докт. филол. наук / Н.Ю. Фанян. – Краснодар, 2000. – 354 с.). Обоснование и рациональное убеждение выявляют конструктивный характер как в социальном, так и личностном плане. В этом отношении язык является приоритетным средством реконструкции тех взаимоотношений, которые формируются между юристом-исследователем и представителями юридического профессионального сообщества.

Аргументативная схема может рассматриваться как инструмент формирования и интерпретации диалогических ходов автора юридического текста, обоснования данных речевых действий. По этой причине определение семантических и прагматических характеристик аргументативных схем, их реконструкция и интерпретация способствует выявлению закономерностей явного / косвенного выражения точки зрения в юридическом тексте. Прагматическая цель аргументативного шага предопределяется онтологической структурой суждения. Другими словами, намерения автора юридического текста и стратегии, которые им используются для достижения этих намерений, реконструируются с опорой на анализ выражаемой в тексте точки зрения.

Автор избирает ту или иную аргументативную схему в соответствии с общими целями коммуникативного акта (в целях обоснования суждения относительно некоторого положения дел). Исследованием этих схем определяется **актуальность** нашей диссертационной работы, поскольку фокусируется на реализуемом в юридическом тексте прагматическом смысле, исходных намерениях автора, которые уточняются в терминах коммуникативной стратегии, избранной для обеспечения допустимости умозаключений в контексте социальных обязательств, выражения согласия / несогласия с мнениями других представителей профессионального сообщества.

Степень разработанности проблемы. Аргумент интерпретируется как попытка обосновать, представить доводы в пользу выдвигаемой точки зрения

(Василенко, Л.Ю. Интегральный подход к изучению аргументации в юридическом дискурсе [Текст] / Л.Ю. Василенко // Материалы международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в ВУЗе». – М.: РУДН, 2008. – С. 57–61). Производя аргумент, субъект речи получает возможность определить персуазивную силу используемых доводов. Когда адресат текста оценивает аргумент, он критически размышляет над тем, какое суждение выдвигает автор и какое обоснование задействуется для подтверждения этого суждения.

В научной литературе аргументативные схемы исследуются, как правило, на материале спонтанной диалогической речи представителей юридического профессионального сообщества в процессе ведения критической дискуссии (Wagemans. J.H.M. The Assessment of Argumentation from Expert Opinion [Text] / J.H.M. Wagemans // Argumentation. – 2011. – № 25. – P. 329–339). Представляется, что данная теория оптимально может быть адаптирована к научному юридическому тексту, который является диалогическим по своей прагматической сущности. С целью осуществления контроля над диалогическим процессом собеседники избирают аргументативные схемы, которые, по их мнению, оказываются оптимальными для разрешения разногласий во мнениях.

Объект диссертационной работы составляют аргументативные схемы, которые используются автором юридического текста в целях обоснования своего суждения.

В качестве фактического **материала** исследования нами были избраны юридические тексты на английском языке, которые преимущественно освещают нормативные аспекты морально-нравственной проблематики, связанной с детской и организованной преступностью, терроризмом, преступными действиями против женщин, взаимоотношениями родителей и подростков, судей, адвокатов и рядовых представителей общества, допустимостью аборт и высшей меры наказания, предотвращением алкоголизма и употребления наркотиков. Данные тексты, написанные в форме как статей в коллективных тематических сборниках, так и отдельных монографий (60 источников), характеризуются особой субъективной позицией юристов-исследователей, а поэтому не последнюю роль играют в них аргументативные схемы, обосновывающие позицию авторов и фиксирующие диалогический характер авторских рассуждений, которые представляются в виде критической дискуссии.

Общий объем собранной нами картотеки составил 3257 примеров, в которых актуализуются аргументативные схемы, отражающие ту или иную прагматическую специфику взаимоотношений между аргументом и суждением. Выдержки из юридических текстов, содержащих авторскую аргументацию при обсуждении острых проблем, отбирались методом сплошной выборки.

Предмет исследования – лингвистические (языковые / речевые) средства, которые выполняют функцию показателей аргументативных схем в юридических текстах, избранных нами для анализа.

Цель данного изыскания – прагматический анализ аргументативных схем и их лингвистического наполнения, предопределяемого характером взаимоотношений между аргументом и выдвигаемым умозаключением.

В соответствии с заявленной целью в диссертационной работе ставятся и решаются следующие **задачи**:

1) разработать типологию аргументативных схем, которые актуализуются в юридическом тексте в зависимости от характера взаимоотношений между аргументом и суждением;

2) проанализировать аргументативные схемы, базирующиеся на отношениях аналогии, и их лингвистическое наполнение;

3) проследить специфику аргументативных схем, базирующихся на отношениях сравнения, и их лингвистическую репрезентацию в тексте;

4) определить закономерности формирования аргументативных схем, базирующихся на симптоматических отношениях между аргументом и суждением, и лингвистические средства их реализации;

5) выявить особенности аргументативных схем, базирующихся на причинно-следственных отношениях, и их лингвистическую специфику.

Методологическая база диссертационного исследования. *Общепилюсофский* методологический ракурс работы основывается на следующих общепризнанных положениях:

- язык является особым институциональным кодом;
- нормативность юридического дискурса устанавливает конвенции и поведенческие модели в обществе;
- юридическая аргументация – это модель и структура норм и правил допустимости аргументов.

Общенаучные методологические основания представляемого исследования детерминируются основополагающими постулатами современного гуманитарного парадигмального знания:

- явные и косвенные связи между лингвистическими и гносеологическими структурами трактуются с опорой на междисциплинарный подход;
- познавательная сложность объекта изыскания производит эффект расширения границ науки, приводит к поиску инновационных подходов к анализируемым явлениям, событиям, фактам;
- языковые и речевые явления изучаются через категориальную связь «человек как мера всех вещей» и «человек как лингвистический феномен».

Частнонаучные методологические принципы диссертационной работы проявляют имманентную связь с актуальными в современной лингвистике концепциями институционального дискурса; определения специфики юридического языка через профессиональные особенности юридической системы; языка как инструмента аргументации; прагматических идеальных моделей организации критических дискуссий в разнообразных профессиональных сферах; рационального аргумента как параметра специфического контекста, связанного с ло-

гической последовательностью рассуждений, стратегическим маневрированием правил и норм.

Базовыми **методами**, которые применяются в диссертации, являются гипотетико-дедуктивный метод, метод аргументативно-дискурсивного анализа, методы смысловой интерпретации и статистического подсчета.

В соответствии с обозначенными выше задачами в данном диссертационном изыскании на защиту выносятся следующие **положения**:

1) В юридическом тексте взаимосвязь между аргументом и суждением базируется на релевантной аргументативной схеме, которая функционирует как инструмент обоснования авторской точки зрения, выражаемой в ходе критической дискуссии с мнениями других представителей профессионального сообщества. Типология аргументативных схем разрабатывается с учетом семантико-прагматических отношений между аргументом и умозаключением (прототипических способов обоснования суждения), с опорой на которые выявляются:

- (1) аргументативные схемы, базирующиеся на отношениях аналогии;
- (2) аргументативные схемы, базирующиеся на отношениях сравнения;
- (3) аргументативные схемы, базирующиеся на симптоматических отношениях;
- (4) аргументативные схемы, базирующиеся на причинно-следственных отношениях.

Обосновывая выражаемую в тексте точку зрения, автор прибегает к такому типу аргументации, который потенциально предотвращает возможные возражения адресата в контексте выдвигаемого суждения.

2) Аргументативная схема, базирующаяся на отношениях аналогии, действует один объект (как правило, относительно узнаваемый) в целях прояснения другого объекта (менее узнаваемого). Впоследствии осуществляется поиск обоснования умозаключения относительно второго объекта на основе характеристик, отмеченных для первого объекта. Основанием для вывода умозаключения становится соответствующее сходство между двумя объектами, которое, в свою очередь, выявляет общность их смысловых структур. Отношения аналогии дают возможность проецировать новый предикат от аналога – к целевому объекту. Отношения аналогии прослеживаются между объектами, принадлежащими к одному и тому же концептуальному домену или к разным доменам. Предписываемый предикат детерминируется элементами, принадлежащими домену целевого объекта, и выявляет соответствие с элементами домена объекта-аналога.

3) Аргументативная схема, базирующаяся на сравнении двух объектов, выявляет черты сходства / подобия двух объектов. Компаративная семантика вводится как эксплицитными языковыми средствами (предикатом *to compare* и его производными, прилагательными *equivalent, parallel, analogous*, союзами *as, like, as if* и *as though*), так и имплицитными показателями, указывающими на менее явную выраженность сравнительных отношений (*no less than, too, the*

same, also, just as (much), as well, a similar, either, both, likewise), которые выражают сходство объектов без указания на то, что между ними конструируется сравнение (с опорой на принцип справедливости).

4) Аргументативные схемы, базирующиеся на симптоматических отношениях, выявляют проявление сосуществования двух взаимосвязанных объектов, принадлежащих к различным иерархическим уровням. Отношения сосуществования устанавливают связь между объектами реальности, принадлежащим к несходным уровням иерархии, при этом один объект является формой выражения или манифестации другого объекта, а точка зрения защищается путем указания на особую характеристику того, что выражено в точке зрения. Языковые показатели симптоматических отношений фиксируются в посылке аргумента, в рамках которого проявляется связь между суждением и аргументом, который используется для обоснования этого суждения (предикаты *to show, to tell something about, to illustrate*, иллюстративные примеры в аргументативной функции). Указанные средства фиксируют внимание адресата на наличии определенных характеристик у обсуждаемого объекта, которые играют конструктивную роль в формировании аргумента, предстают:

(а) эксплицитным показателем симптоматических отношений, если они имеют место в главной посылке аргумента;

(б) имплицитным показателем симптоматических отношений, если они обнаруживаются во второстепенной посылке или самом аргументе.

5) Аргументативные схемы, которые базируются на причинно-следственных отношениях, выявляют в аргументе актуальную информацию как общепринятый факт, который неизбежно предопределяет событие, упоминаемое в суждении; причинно-следственные отношения могут также порождаться в направлении от суждения, инициируемого автором, – к аргументу. Причинно-следственная аргументация может маркироваться разнообразными языковыми средствами. Некоторые средства эксплицитно указывают на подобную связь между аргументом и авторской точкой зрения и включают в себя такие лексемы, как *result, target, means* и производные от них, а также синонимичные лексемы и производные от них (*effect, consequence, purpose, to lead to, to bring about, as a result of*). Показателями анализируемых нами отношений могут также выступать такие средства, как *though, thereby, in this way*. К имплицитным показателям причинно-следственных отношений мы относим существительное *occasion*, предикаты *to entail, to contribute, to get, to mean, to end in, to increase, to arouse, to result, to predict*, которые потенциально могут сочетаться с явными показателями данных отношений.

Степень достоверности результатов проведенных соискателем исследований. Результаты, полученные и многоаспектно обоснованные в научном изыскании, выявляют высокую степень достоверности, которая обеспечивается многомерным изучением базовых концепций отечественных и зарубежных лингвистов по рассматриваемой проблематике, творческим применением со-

временных методов исследования, схематической репрезентацией функциональной взаимозависимости основной аргументативной схемы и ее вариантов.

Научная новизна диссертационного изыскания состоит в том, что в ней впервые на основе комплексного прагматико-диалектического подхода описаны аргументативные схемы и их лингвистические показатели в юридическом тексте. Демонстрируется имманентная связь между лингвистическими показателями аргументативных схем и типами аргументов, обосновывающих авторское суждение. Доказано, что юридический текст является репрезентативной структурой интенционального и системного конструирования аргументативных схем, которые манифестируются устойчивыми лингвистическими показателями, проливающимися светом как на реализацию того или иного аргументативного шага в процессе создания текста, так и критическую настроенность автора-исследователя к суждениям других представителей юридического сообщества по заявленной в тексте проблематике.

Теоретическая значимость основных результатов диссертационного исследования определяется тем, что оно вносит вклад:

1) в последующее развитие языковедческой проблематики, связанной с аргументативной организацией юридического текста, фундаментальными конститuentами которого являются нормативные схемы и лингвистические явные / неявные показатели этих схем, представляющие собой типизированный феномен для разворачивания критических дискуссий;

2) в прагматико-функциональный анализ существительных, прилагательных, наречий и глагольных предикатов, маркирующих определенный тип аргументативной схемы в рамках юридического текста, посвященного нормативным аспектам морально-нравственных реалий современного социума.

Основные выводы диссертационной работы способствуют дальнейшему изучению теории риторических стилей юридического мышления, современные концепции фактора адресата в инициации аргумента и суждения, риторических моделей научного текста, регламентирующего правила и нормы взаимоотношений представителей социума. Указанная детализация обеспечивает возможность разработки типологии аргументативных схем, выявления показателей этих схем. Предпринятое изыскание углубляет знания о диалектической специфике прагматических отношений между аргументом и суждением, лингвистических средствах обоснования суждения в терминах аргументативных схем и их показателей как манифестации авторских намерений.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в том, что выводы и собранный фактологический материал могут быть в дальнейшем задействованы в изучении функционального семантического содержания аргументативных единиц и структур, проблем наполнения научных текстов аргументативными схемами. Произведенный в диссертации анализ знаменательных и незначительных частей речи может использоваться при написании справочных пособий по риторическим средствам обоснования суждений, а так-

же при создании специализированных словарей лингвистических показателей аргументативных схем в современном юридическом тексте. Теоретико-практические материалы работы могут применяться в специальных курсах по теории языка, прагматико-диалектической интерпретации юридического текста, юридической риторике, а также при исследовании теорий аргументации в языковедческих аспектах.

Апробация диссертации. Базовые результаты и выводы исследования получили системное отражение в 15 публикациях, из которых 10 опубликовано в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Автономные фрагменты изыскания и его основные результаты представлялись на Всероссийских и Международных научных и научно-практических конференциях «Наука. Образование. Культура: вклад молодых исследователей» (Новочеркасск, 2012); «Проблемы современной лингвистики: на стыке когнитивной и коммуникации» (Тамбов, 2015); «Язык: категории, функции, речевое действие» (Коломна, 2015).

Структура диссертации. Диссертация включает в себя введение, две главы, заключение, список использованной теоретической литературы и список использованных источников фактического материала, проанализированного в работе.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность изыскания, формулируются его цель и задачи, определяются объект, предмет, методологическая база и методы исследования, новизна, теоретическая значимость и практическая ценность диссертации, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Прагматические основания исследования аргументации в аспекте юридического текста»**, анализируется типология, сферы применения и языковая специфика юридического дискурса и текста, определяются проблемные сферы взаимодействия юридического текста и теории аргументации, выявляется специфика прагматико-диалектической теории юридической аргументации с опорой на такие понятия, как критический обмен мнениями, обоснование мнения и аргументативная схема.

Автор юридического текста предвидит потенциальные критические сомнения по отношению к выражаемой в тексте точке зрения, допустимости ее обоснования посредством тех или иных аргументов. В связи с этим, он обеспечивает свое мнение такими аргументами, которые нацелены на предотвращение сомнений со стороны представителей юридического профессионального сообщества. Автор прибегает к уточнению фактов, юридических правил и норм, пересматривает мнения, предварительно выраженные другими исследователями, интерпретирует эти мнения в свете обсуждаемой в тексте проблематики. Исходя из прагматико-диалектической перспективы исследования, обоснование собственного мнения является конструктивным механизмом введения критической дискуссии между автором текста и той аудиторией, для которой предназначен

ся взаимосвязанными между собой. В процессе обоснования своей точки зрения авторы юридических текстов делают попытку представить свою смысловую позицию как самоочевидный результат применения юридических правил и норм к освещаемым фактам, задействуют, так называемое, стратегическое маневрирование. В связи с этим, аргументативное обоснование мнения может быть проанализировано и оценено исходя из указанного маневрирования в процессе ведения критической дискуссии. Как представляется, подобный анализ и оценка проясняет, как автор текста в определенном контексте осуществляет оптимальный выбор общепринятых языковых средств, задействуют определённые средства презентации аргумента. В результате выявляется то, можно ли рассматривать авторскую аргументацию в качестве конструктивного механизма ведения критической дискуссии.

Аргументативные схемы можно рассматривать как стереотипные модели рассуждения, абстрактные структуры, репрезентирующие материальные (семантические) и логические отношения между посылками и умозаключением в рамках аргумента. Данные схемы основываются на более разветвленной семантической системе, чем формальные репрезентации, которые задействуются в логике; по этой причине они одновременно отражают обязательные и потенциально отменяемые отношения между явлениями и фактами, которые задействует автор текста в целях обоснования своей точки зрения. В силу своей объяснительной и аналитической эффективности аргументативные схемы находят практическое применение в разнообразных исследованиях, начиная от юридических текстов и заканчивая теорией искусственного интеллекта.

В целях уточнения диалогических правил использования аргументативных схем в устной критической дискуссии и письменном тексте мы должны прежде всего признать, что выбор оптимальной схемы осуществляется субъектом речи на начальной стадии рассуждений, при этом адресату становится очевидным то, какая конкретно схема задействуется в данном случае. Аргумент, приводимый субъектом речи, оформляется в соответствии с той или иной конвенциональной аргументативной схемой и, следовательно, интерпретируется адресатом с опорой на диалектико-прагматическую специфику этой схемы.

Во второй главе «Типология аргументативных схем в юридическом тексте: предопределенность характером обоснования авторского суждения, языковые / речевые средства реализации» исследуются отношения аналогии, сравнения, симптоматики, причины и следствия, на которых базируются аргументативные схемы в юридическом тексте.

В частности, утверждается, что аргумент, в основе которого лежит аналогия, предполагает выводное умозаключение с опорой на отношения сходства, противопоставляемым индуктивным и дедуктивным отношениям. При этом оптимальное доказательство авторского суждения (точки зрения) обеспечивается уместной (надлежащей) аналогией, утверждаемой в одной или нескольких посылках. Посылка, проецирующая аналогию, является ключевой для данного ти-

па аргумента. Для прояснения структуры аргумента, основывающегося на аналогии, задействуется понятие целевого объекта сравнения, в отношении к которому приписывается новый предикат. Прибегая к аргументации с опорой на аналогию, автор юридического текста делает попытку убедить адресата в действительности выдвигаемого суждения посредством иллюстрирования того, что некоторый довод проявляет сходство, подобие в отношении другого довода, вывода заключения об одном объекте на основе неявного сравнения с другим объектом. Аргументативная схема, в основе которой лежит аналогия, представляется таким образом, что между тем, что утверждается непосредственно в аргументе, и отражается в манифестируемой при этом точке зрения, как будто бы обнаруживается схожесть, совпадение, параллельность, соответствие или какое-либо иное подобие.

Аргументативная схема, которую задействует автор юридического текста в этом случае, можно представить следующим образом.

Схема 2. Аргументативная схема, базирующаяся на отношениях аналогии

<p style="text-align: center;"><i>Y является истинным для X, потому что Y, в свою очередь, предстает истинным для Z, а Z – величина, соотносимая с X.</i></p>

Вышеприведенная схема актуализуется, в частности, когда автор обосновывает тот факт, что некоторое суждение об *X* является релевантным, поскольку *Z* может быть оценено подобным образом, а *Z*, в свою очередь, проявляет аналогию с *X* в соответствующих отношениях. Например: (1) «*The Court had effectively established mutual recognition as a constitutional principle. The Commission went on to interpret this principle in the strict possible manner. Both the Court and the Commission share the same discourse on how best to achieve effective market integration*» (Sweet, 2004: 136). Взаимное признание сторон рассматривается как эффективный принцип рыночной интеграции (*Y*). Этого принципа придерживается соответствующая комиссия (*X*), поскольку он был утвержден судом (*Z*). Следовательно, обе инстанции интерпретируют указанный принцип аналогичным образом, действуют на одних и тех же основаниях. Между *X* и *Z* обнаруживаются отношения аналогии. В тексте явно не указывается, что между двумя объектами обнаруживаются именно такие отношения (ср. с примером (1), в котором об этом эксплицитно заявляется).

В отдельных случаях непротиворечивый характер между двумя аргументами, между которыми устанавливаются отношения аналогии, конструируется автором юридического текста неявно. Приведем пример, в котором автор текста настаивает на том, что возможность защиты главы некоторой авиакомпания от кредиторов должна быть отвергнута. Ср.: (2) «*In seeking protection from Eastern's creditors in bankruptcy court, Lorenzo [chairman of Eastern Airlines] is like the young man who killed his parents and then begged the judge for mercy because he*

was an orphan. During the last three years, Lorenzo has stripped Eastern of its most valuable assets and then pleaded poverty because the shrunken structure was losing money» (Bergelson, 2009: 101). Аналогия устанавливается между двумя объектами: главой Восточных Авиалиний (X) и молодым человеком, который убил своих родителей и впоследствии просит милосердия от суда, утверждая при этом, что он сирота, т.е. ищущего жалость на основании того положения дел, которое было им же порождено (Z). Основанием данной аналогии выступает неправомерность просьбы о снисхождении (Y). Смысловая позиция автора, которая воплощается в представляемой аргументативной схеме, состоит в следующем: тот, кто собственноручно создал негативную ситуацию, не заслуживает сожаления и милосердия от других. Автор трактует прошения о снисхождении, выражаемые обоими объектами, как подобные, аналогичные. Адресат текста делает следующее умозаключение: глава авиакомпании не заслуживает защиты от кредиторов, поскольку банкротство авиакомпании было вызвано его противозаконными действиями. Аргументативная схема примера (2) может быть представлена следующим образом.

Схема 3. Аргументативная схема примера (2), базирующаяся на отношениях аналогии

- (1) Молодой человек может убить своих родителей, а затем подать иск в суд относительно денежной компенсации в связи с тем, что он стал сиротой.
- (2) Глава «Истен Эрлайнз» (Лоренцо) растратил активы авиакомпании, объявил в суде о банкротстве вследствие острой нехватки денежных средств.
- (3) Молодой человек не заслуживает снисхождения.
- (4) Человек, собственноручно и умышленно создающий негативную ситуацию, не заслуживает милосердия и протекции.
- => Лоренцо не заслуживает снисхождения или протекции суда.

В процессе интерпретации аргументации, основанной на отношениях логической и индуктивной аналогии, для адресата текста критическими предстают следующие вопросы: 1) являются ли смысловые позиции субъектов юридической деятельности, между которыми проводится аналогия, действительно соотносимыми? 2) обнаруживается ли достаточно сходства между двумя смысловыми позициями, которые характеризуются как аналогичные? 3) проявляются ли релевантные различия между двумя смысловыми позициями, характеризуемыми как аналогичные? Как представляется, аргументация, основанная на аналогии, является действенной, если на первые два вопроса дается утвердительный ответ, а на третий вопрос – отрицательный ответ.

В целях моделирования подобия между двумя обсуждаемыми сущностями или объектами автор юридического текста также задействует союзы со сравнительной семантикой, к которым относятся преимущественно *as* и *like*. При этом союз *as*, согласно нашим наблюдениям, частотно сопровождается лексемами *just*, *exactly* и *the same*, непосредственно усиливающими значение подобия, аналогии между двумя феноменами, которое является существенным для подкреп-

ления авторского суждения. Указанные выражения эксплицитно выявляют тот факт, что два феномена проявляют черты сходства, аналогии, подобия.

Схема 4. Аргументативные схемы, базирующаяся на отношениях сравнения

<p><i>X является подобным Z в той же степени, что и Y (as)</i> <i>X предстает именно таким же, как и Z (just as / like)</i> <i>Действие X сходно с действием Z в той же степени, что и с действием Y (just as many / much as)</i> <i>X можно рассматривать как величину, подобную Z (the same as)</i> <i>X практически является таким же, как и Z (the same as)</i></p>

(3) «*The actus reus of a crime, it is often said, typically consists of an ‘act’ (conduct), done in certain circumstances, and having certain consequences. Circumstances and consequences are necessary, **just as** other elements of the structure of criminal liability, and of the substance of particular offences*» (Duff, 1993: 77); (4) «*Contrary to the belief of many specialists, a lot of young digital perpetrators are easy to catch because they are so clumsy that they leave about **as many traces as** a coalman in a linen-cupboard*» (Jordan, 2006: 51); (5) «*Teenage girls find it particularly difficult to fulfill role expectations because adolescent femininity is constructed within two conflicting discourses – adolescence, which is **about the same as** change, rebellion, and increasing independence, and femininity, which is **the same as** passivity, dependency, and the permanence of relationships*» (Worrall, 1990: 37).

В (3) выявление специфики состава преступления в терминах уголовной ответственности и содержания конкретных правонарушений становится основанием для введения сравнительного оборота, посредством которого автор текста указывает, что определенное стечение обстоятельств и последствия правонарушения являются необходимыми элементами юридического анализа. В (4) – (5) иллюстрируются случаи образного сравнения. В (4) в качестве основания сравнения представлен образ шахтера, который оставляет в белье шкафу следы. Подобным образом (вопреки мнению многих специалистов) юные хакеры также оставляют улики, свидетельствующие о совершении правонарушений. Авторское суждение, таким образом, подкрепляется образным сравнением. Аналогичная ситуация имеет место в (14): конфликтующие между собой дискурсы взросления и женственности сравниваются соответственно с такими абстрактными понятиями, как изменение, мятежность и усиливающаяся независимость, с одной стороны, и инертность, зависимость и постоянство – с другой. Во всех примерах общим знаменателем образного сравнения выступает аналогия между элементами, объектами и явлениями разного порядка.

В процессе актуализации аргументативной схемы, которая основывается на отношениях сравнения между двумя субъектами деятельности, автор текста, выражающий определенную точку зрения на ту или иную ситуацию, может вводить показатели того, что он, фактически, предвидит возможную критику

своего аргумента со стороны представителей юридического сообщества, занимающих иную смысловую позицию на освещаемую проблему. Ср.: (6) «*It is hard to explain why excessive force which goes beyond what is reasonable to maintain order was used against drug-dealers **and not** against organized gangs, **whereas not only** individual offenders, **but also** violent crime leave the public at risk when force is necessary*» (McElvain, 2009: 18).

Автор текста неявно отстаивает точек зрения, согласно которой чрезмерная сила должна применяться против организованных преступных банд, поскольку она задействуется против отдельных наркоторговцев. Подобная разновидность аргументации, предполагающей неявное сравнение, основывается на принципе справедливости, что подчеркивается самой аргументативной схемой, которую можно обозначить следующим образом: «*почему сила применяется против X, а не против Z*». Тот факт, что автор прибегает к данной аргументативной схеме, также выявляется в процессе анализа дополнительной аргументации, с опорой на которую автор стремится доказать, что отдельные наркоторговцы и организованная преступность являются категориями одного порядка. Подобие этих категорий актуализуется выражением '*not only... but also*'.

Союз *whereas* вводит контраст между первой и второй частями предложения. В данном случае контрастные отношения моделируются между тем, что нормативно ожидается автором – равные субъекты преступной деятельности должны получить сходную юридическую интерпретацию, несмотря на то, что они различаются по тем или иным параметрам – и фактом, что в обсуждаемом положении дел обнаруживается формальное юридическое неравенство между указанными субъектами. Это, в свою очередь, означает, что автор текста предвидит возможные возражения со стороны своих оппонентов относительно того, не является ли ситуация с индивидуальными наркоторговцами в том или ином отношении отличной от ситуации с организованной преступностью? Не должны ли эти ситуации интерпретироваться в юридическом плане по-разному, как это и обнаруживается в реальном положении дел?

В рамках симптоматической аргументации задействуется следующая схема.

Схема 5. Симптоматическая аргументативная схема

*Y является истинным для X,
потому что Z, в свою очередь, предстает истинным для X,
а Z – типичное (характерное, симптоматичное) свойство Y.*

При прагматико-диалектическом анализе симптоматических отношений первостепенную роль играют понятия «характерный» и «знак». В связи с этим, мы задействуем эти понятия в составлении списка языковых выражений, которые являются показательными для данного типа отношений. Прежде всего, мы выявляем выражения, которые могут маркировать анализируемые нами отношения в рамках:

- и аргумента, и авторского умозаключения (суждения);
- только аргумента.

В целях выявления типологии подобных выражений рассмотрим лексические значения слов «характерный» и «знак» по данным «Оксфордского толкового словаря английского языка»:

«*Characteristic*

a typical feature or quality;

(adj.) forming part of, showing the typical qualities or features» [The Oxford English Dictionary, 2007: 102];

«*Sign*

a mark, object, symbol, etc. used to represent something;

a word or words, design, etc. on a board or plate to give a warning;

something that gives evidence, points to the existence or probability of something;

a movement of the hand, etc. used with or instead of words;

symbol, name, etc. used to advertise a business;

indicating some forthcoming event or events» [The Oxford English Dictionary, 2007: 585].

В соответствии с указанными дефинициями, понятие «*Characteristic*» может относиться как к характерным особенностям лица или неодушевленного предмета, так и к указанию на то, что что-то является определенного вида, кто-то выявляет некоторую специфику. Понятие «*Sign*» задействуется как синоним понятий «*proof*», «*evidence*». В качестве важного аспекта значений этих понятий можно рассматривать их проекцию на акт восприятия чего-либо, кого-либо предварительно известного.

Принимая во внимание синонимы анализируемых понятий, которые используются при их определении, можно выявить диапазон языковых выражений, которые задействуются для маркирования симптоматических отношений в юридическом тексте. Большая часть этих выражений обнаруживается в посылках аргумента, поскольку именно в посылках последовательно манифестируются взаимоотношения между авторской точкой зрения и тем аргументом, к которому прибегает автор в целях обоснования этой точки зрения.

Схема 6. Показатели симптоматических отношений, используемые как в аргументе, так и в авторском суждении

<p style="text-align: center;"> <i>X</i> является характерным для <i>Y</i> <i>X</i> предстает типичным для <i>Y</i> <i>X</i> рассматривается как своеобразие <i>Y</i> <i>X</i> – иллюстрация <i>Y</i> <i>X</i> – показатель <i>Y</i> </p>

Схема 7. Показатели симптоматических отношений, используемые в аргументе

<p style="text-align: center;">X – знак Y X является свидетельством Y X отображает Y X указывает на Y X предвещает Y X предполагает Y X означает Y X доказывает, что Y X свидетельствует о Y (<i>indicate, testify</i>) X выявляет информацию о Y</p>

В примерах (7)–(9) содержатся различные показатели симптоматической аргументации: (7) «*Citizens live in various networks with different norms. Within nation states they experience that many rules are of a temporary character. It is typical of modern states that various laws can contain different norms for similar situations...*» (Vlies, 2008: 143); (8) «*At present, Administrative Law is a highly developed and specialized domain which across jurisdictions, moreover, displays very significant variations in basic structure and functions, in history and traditions, in concepts and principles, and in operations and procedures. The role of the courts, the degree of formalism, the scope of review over agency decisions, the extent of participation in rulemaking might be illustrative of the growing power of contemporary administrative legal systems*» (Newton, 2008: 44); (9) «*At this point one might feel tempted to abandon this increasingly convoluted plot and to skip over the section describing the ways in which scientific knowledges are implicated in all this – the way in which the ‘sciences of man’ (psychology, psychiatry, pedagogy, criminology) are entangled with the disciplines. But then we would miss Foucault’s characterisation of modern penalty as involving altogether new elements introduced by the ‘penetration’ of scientific knowledges, with their ‘terrible power of investigation’, into the judicial system. Such knowledges problematise the criminal ‘behind his crime’ and render punishment into ‘a correction, a therapy, a normalisation’ involving the measurement, assessment, diagnosis, cure and transformation of individuals. It is clear that the power to punish is no longer a simple judicial exercise: now disciplinary techniques intrude at every point of the sentencing and penal process...*» (Howe, 2005: 77).

Умозаключение, отражающее авторскую позицию в тексте, конструируется с опорой на аргумент, отражающий симптоматические отношения между двумя современными тенденциями. В (7) автор прибегает к аргументу, согласно которому в различных государствах действуют несходные нормы и правила, многие из которых носят временный характер. На основе этого аргумента выдвигается суждение, что подобная ситуация является типичной для современных государств в целом (характеристики, присущие отдельным государствам, рассматриваются как типичная черта государственности в целом, стабильная тенденция в текущем развитии юридических норм и правил). В (8) в качестве

аргумента приводится тот факт, что современное административное право выявляет значительные вариации в своей структуре и функциях, концепциях и принципах, действиях и процедурах. При этом такие тенденции, как конструктивная роль судов, уровень формализма, диапазон обзора принимаемых решений, участие в законодательных процессах становятся основой для выражения авторского суждения о том, что усиливается правомочие и компетенция современной административно-юридической системы (тенденции, присущие анализируемым системам отдельных государств, интерпретируются как показательные для современного развития общей системы). В (9) аргумент выявляет информацию о том, что знания из наук о человеке, вливаясь в теории наказания правонарушителей, проблематизируют такое положение соответствующей концепции М. Фуко, как личность правонарушителя, рассматриваемая непосредственно до того, как было совершено правонарушение, интерпретируют процесс наказания, как коррекцию, терапию, нормализацию личности правонарушителя. В результате автор приходит к умозаключению, согласно которому компетенция наказывать более не рассматривается как чисто судебная процедура, новые дисциплинарные техники оказываются действенными как при определении сроков заключения, так и в самих процессах наказания правонарушителей (тенденции, характерные для наук о человеке, интерпретируются как симптоматичные для юриспруденции).

Прагматическое различие между показателями симптоматических отношений, которые реализуются как в аргументе, так и в авторском мнении (Схема 6), и которые имеют место исключительно в рамках аргумента (Схема 7), заключается в том, что:

- первая разновидность показателей может задействоваться в неаргументативной функции; показатели *X*, *поэтому очевидно, что Y*; *X*, *поэтому вероятно, что Y*; *X*, *поэтому явно, что Y*; *X*, *поэтому оказывается, что Y* формируют самостоятельную группу, поскольку могут использоваться с интенсификаторами, что не является характерным для других показателей; наречия *apparently* (*по-видимому*), *obviously* (*очевидно*) могут обнаруживаться не только в аргументе, но и в его главных посылках;

- вторая разновидность показателей всегда устанавливает обоснованность или аргументативную связь между первыми связываемыми элементами, эти показатели, в свою очередь, указывают на то, что первый элемент является действенным аргументом для второго элемента.

В нашей картотеке также содержится фактический материал, свидетельствующий о том, что симптоматические отношения между аргументом и авторской точкой зрения могут маркироваться не только определенными языковыми выражениями (сегментами предложений), но и синтаксическими структурами самих предложений. Эти структуры последовательно проявляются либо в самой точке зрения автора, либо в малой посылке аргумента, основывающегося на симптоматических отношениях.

В отдельных случаях они органично сочетаются с языковыми выражениями, которые отражают те или иные специфические аспекты рассматриваемых нами отношений. Предикат подобных структур включает в себя преимущественно существительные (которые могут определяться прилагательными), т.е. реализует синтаксическую функцию составного именного сказуемого.

Схема 8. Синтаксические структуры, реализующие симптоматические отношения в рамках аргументации

Х является Y (сущ.) – to be
Кажется, что X является Y (сущ.) – seem to be
Оказывается, что X является Y (сущ.) – appear to be

Вышеприведенные синтаксические структуры предложения обладают такими характеристиками, которые предстают оптимальными для их использования в презентации авторской точки зрения или малой посылки аргумента, который конструируется на основе симптоматических отношений. Поскольку симптоматическая аргументация затрагивает, главным образом, качественные характеристики и свойства объектов, не предполагает обращения к событиям или процессам, целесообразно признать, что когда аргумент или авторская точка зрения в синтаксическом плане строятся по модели «субъект – связка – именная часть предиката», то эта модель указывает на то, что аргументация может основываться на симптоматических отношениях. В «Collins Cobuild English Grammar» выявляются следующие функции рассматриваемой нами модели:

1. to report what type of subject or individual is;
2. to portray or identify the person;
3. to point out what kind of qualities an individual possess;
4. to point out in an exact way the identifying features of a person or an object [Collins Cobuild English Grammar, 2005: 173–176].

Очевидно, что вышеперечисленные функции способствуют тому, что анализируемая нами синтаксическая структура частотно задействуется авторами юридического текста в целях моделирования симптоматической аргументации. Симptomатические отношения между аргументом и авторской точкой зрения интерпретируются адресатом еще более эффективно, если принимается во внимание вариативная часть аргументации. Ср.: (10) «*Some persons from the neighborhood tested are unpredictable and potentially violent as they may use graffiti and harassment as means of displaying their presence and power*» (Snell, 2001: 34); синтаксическая структура «субъект – связка – именная часть предиката» актуализуется в авторском суждении, которое подкрепляется соответствующим аргументом; между мнением автора и аргументом устанавливаются симптоматические отношения, поскольку некоторые представители соседских окрестностей, исследованных автором, проявляют склонность к рисованию граффити и агрессии, что, в свою очередь, является характерным для асоциальных личностей вообще (то, что свойственно асоциальным личностям присуще некоторым пред-

ставителя исследованных соседских окрестностей); (11) «*Those who kill on behalf of the nation seem to be responsible for their actions as they reduce the dignity and humanity of the condemned*» (Hugo, 1999: 58); в данном случае имеет место вариант анализируемой нами структуры («субъект – to seem – to be – именная часть предиката»); эта структура также обнаруживается в авторской точке зрения и формирует симптоматические отношения между суждением (выраженным как предположение) и аргументом: представители юридического сообщества, приводящие в действие высшую меру наказания, производят на психологическую сферу приговоренных такой же негативный эффект, как и рядовые преступники, убивающие ни в чем неповинных людей (негативные результаты деятельности рядовых преступников рассматриваются как симптоматичные для сотрудников правоохранительных органов, лишаящих жизни людей, совершивших тяжкие правонарушения); в рамках целостного текста анализируемое высказывание, в свою очередь, можно рассматривать как аргумент в пользу отмены высшей меры наказания (основная проблема, которой посвящен текст); (12) «*The State fails to demonstrate that D & X may not create significant health risks for women, because significant medical authorities appear to be useless in supporting the proposition that in some circumstances D & X would be the safest procedure*» (Beckwith, 2007: 39); в примере реализуется вариант рассматриваемой нами структуры («субъект – to appear – to be – именная часть предиката»); эта структура имеет место в главной посылке аргумента и устанавливает симптоматические отношения между авторским суждением и аргументом: оказывается, что руководители важнейших медицинских ведомств не предпринимают решительных шагов в поддержку мнения, что аборт, совершаемый по технологии *D & X*, является безопасной процедурой, что, в свою очередь, характеризует и правительство, которое ничего не делает для того, чтобы доказать, что эта технология не создает серьезного риска для здоровья женщины (отсутствие деятельности в указанном направлении является симптоматичным для правительственных и медицинских чиновников).

Предикаты *to seem*, *to appear*, входящие в глагольную связку (и формирующие конструкцию сложного подлежащего), фактически, несут ту же самую функциональную нагрузку, что и глагол *to be* в аналогичном контексте, однако, придают высказыванию специфическую модальную окраску. Автор текста прибегает к указанным предикатам, когда выражает суждение, в истинности которого не совсем уверен или осведомлен об обсуждаемом положении дел из непроверенных источников (или источников, на которые нельзя полагаться).

При аргументации, основанной на причинно-следственных отношениях, аргумент представляется как средство реализации точки зрения. Данные отношения могут также манифестироваться в обратном направлении: точка зрения является средством реализации аргумента. «Аргумент представляется таким образом, как будто бы то, что утверждается аргументацией, является инструментом или каким-либо другим причинно-следственным фактором формирования точки зрения или наоборот» [van Eemeren, Grootendorst, 1992: 97].

Общая схема аргументации, которая основывается на причинно-следственных взаимоотношениях между аргументом и суждением может быть представлена следующим образом.

Схема 9. Аргументативная схема, основывающаяся на причинно-следственных отношениях между аргументом и авторской точкой зрения

*Y является истинным для X,
потому что Z, в свою очередь, предстает истинным для X,
а Z неизбежно порождает, ведет к Y.*

Аргументация, основой которой выступает данная схема, может задействоваться автором юридического текста, в частности, в целях обоснования предположения, прогнозирования возможных тенденций развития некоторого положения дела. Ср.: (13) «*Punishment -- hard treatment -- expresses and communicates the measure of what we have done (provided, of course, that it is proportionate to the offense). One does not have to be a prophet to predict that those who accept the seriousness of what they have done will generally see punishment as a fitting response to it, whether or not it is actually inflicted*» (Kleinig, 2008: 201).

Автор обосновывает точку зрения, согласно которой правонарушители, осознающие всю тяжесть совершенного проступка, будут рассматривать наказание как справедливую реакцию на проступок, вне зависимости от того, последует ли это наказание или злодеяние останется безнаказанным (*Y является истинным для X*). Аргументом данного суждения оказывается положение о том, что наказание соответствует мере тяжести того, что совершил человек (*потому что Z, в свою очередь, предстает истинным для X*). Причинно-следственная связь между пропорциональностью наказания и совершенного правонарушения и осознанием правонарушителем потенциальной возможности наказания является неявно выраженной (*Z неизбежно порождает, ведет к Y*). Если причинно-следственные отношения «срабатывают» в обратном направлении – от точки зрения автора и аргументу – аргументация строится по следующей схеме.

Схема 10. Аргументативная схема, основывающаяся на причинно-следственных отношениях между авторской точкой зрения и аргументом

*Z является истинным для X,
потому что Y, в свою очередь, предстает истинным для X,
а Z неизбежно порождает, ведет к Y.*

Автор может прибегать к данной схеме для обоснования точки зрения относительно некоторого положения дел посредством указания на событие, которое предстает неизбежным результатом того, о чем заявляется в точке зрения. Ср.: (14) «*Conceptions of corporate criminal liability and corporate blame are mud-*

dled, for existing liability rules, nearly a century old, are routinely disregarded by prosecutors and regulators» (Laufer, 2006: 5).

Автор выдвигает точку зрения, в соответствии с которой текущие концепции корпоративной уголовной ответственности и корпоративной вины являются непоследовательными (*Z является истинным для X*). Для обоснования данного мнения задействуется следующий аргумент: данные правила не соответствуют потребностям современности, пренебрегаются прокурорами и регулятивными органами (*потому что Y, в свою очередь, предстает истинным для X*). Причинно-следственная связь между запутанностью представлений об уголовной ответственности и вине в рамках корпораций и невниманием к ним соответствующих инстанций выражается имплицитным образом (*Z ведет к Y*).

Для каждого проанализированных в диссертации типа аргументации применяются специфические стандарты ее оценки, которые, в свою очередь, нацелены на выявление специфики отношений обоснования, устанавливаемые в соответствующей схеме. Выдвигая то или иное суждение, автор юридического текста, фактически, ведет критическую дискуссию с точками зрения, которые были ранее предложены другими представителями профессионального сообщества на рассматриваемую в данном тексте проблематику. При этом потенциальные реакции оппонентов, направленные против выдвигаемого суждения, априори предполагают предварительную оценку той аргументативной схемы, которую задействует автор текста в конкретном случае. Другими словами, прагматическая природа отношений между представляемым аргументом и выражаемой при этом точкой зрения предопределяется не только презентацией аргументации, но и характером потенциальных критических реакций на авторское суждение, которые могут быть выдвинуты адресатами, занимающими иную смысловую позицию.

Аргументативная схема юридического текста реконструируется в нашей диссертационной работе как типизированная структура, в рамках которой разнообразие интерпретируемых примеров обеспечивает выполнение прагматической функции репрезентации иллюстративного материала, обосновывающего выдвигаемые теоретические положения. Персуазивная сущность фактов, явлений, передаваемая аргументами, дает возможность юристу-исследователю добиться такого обоснования, которое объективирует выдвигаемые теоретические позиции, убеждают адресата в научной действительности этой позиции.

В **Заключении** обобщаются результаты проведенного изыскания, намечаются перспективы дальнейшего анализа аргументативных схем в юридическом тексте как действенном способе убеждения адресата в действительности оригинального авторского суждения.

Избранная нами прагматико-диалектическая позиция обеспечила возможность выявить, те аргументативные формы ведения критической дискуссии, которые задействуются авторами юридических текстов, языковые / речевые средства, обеспечивающие конструктивный характер различных этапов текстовой

манифестации этой дискуссии. Языковые средства, наполняющие аргументативные схемы, исследуются в нашей диссертации в аспекте действенной роли аргументации в ходе совмещения разнообразных мнений на одну и ту же проблематику.

Аргументативные схемы являются прагматической сферой реагирования со стороны оппонентов: действенность схемы может рассматриваться как гипотетическое следствие ее относительной релевантности, что становится основанием для критических замечаний в плане несостоятельности ее обосновывающей силы. Вместе с тем, адресат также определяет, была ли конкретная схема корректно употреблена субъектом речи в ходе ведения критической дискуссии, т.е. качественные характеристики выдвинутого аргумента. В связи с этим, адресант, прибегая к той или иной аргументативной схеме, предварительно стремится наделить ее оптимальным обоснованием с целью предотвращения явных / потенциальных критических реакций со стороны как оппонентов, так и представителей профессионального юридического сообщества, специалистов в сфере обсуждаемой проблематики.

Наша реконструкция аргументативных схем отражает сущностные прагматико-диалектические характеристики обоснования в юридическом тексте, а также модели и коммуникативные перспективы ведения критической дискуссии, предопределяющие рамки конструктивного исследования актуальной проблематики. Междисциплинарная важность реконструкции аргументативных схем состоит в том, что в ходе анализа оптимально комбинируются юридическое «идеальное» и языковедческое «реальное». Данное сочетание оказывается продуктивным в силу последовательного интегрирования нормативного и дескриптивного аспектов междисциплинарного анализа, репрезентации теоретически и практически мотивированного комбинирования данных аспектов.

Предложенная в рамках данной диссертационной работы методика анализа аргументативных схем, выявленные критерии их классификации требуют дальнейших исследований. В частности, аргументативные схемы, основанные на тех или иных связях и отношениях, могут приобретать иные логические формы, скрывающие более глубокие способы обоснования суждения. Некоторые аргументативные схемы предполагают связную последовательность обоснований и в этом отношении являются иерархически сложными образованиями. Их исследование составляет перспективу нашей диссертационной работы.

Основные положения диссертационного изыскания отражены в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Медведева, М.С. Лингвистические средства воздействия на аудиторию в юридическом дискурсе [Текст] / М.В. Ласкова, М.С. Медведева // Известия

Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2014. – № 4. – 0,6 / 0,4 п.л.

2. Медведева, М.С. Употребление и способы перевода модальных глаголов в юридических текстах [Текст] / М.С. Медведева // Гуманитарные и социальные науки (электронный журнал). www.hses-online.ru. – Ростов-на-Дону, 2014. – № 3. – 0,5 п.л.

3. Медведева, М.С. Когнитивный аспект юридического дискурса: его структура и смыслообразование [Текст] / М.В. Ласкова, М.С. Медведева // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). Общественные науки. – Москва, 2014. – № 12 (51). – 0,6 / 0,4 п.л.

4. Медведева, М.С. Юридический текст как объект профессионально-ориентированного дискурса [Текст] / М.С. Медведева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия ЛИМК. – Воронеж, 2015. – № 4. – 0,6 п.л.

5. Медведева, М.С. Проблема средств связности в юридическом тексте [Текст] / М.С. Медведева // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2015. – № 21. – 0,6 п.л.

6. Медведева, М.С. Юридический язык в аспекте современных дискурсивно-прагматических теорий [Текст] / М.С. Медведева // Гуманитарные и социальные науки (электронный журнал). www.hses-online.ru. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 5. – 0,6 п.л.

7. Шевченко, М.С. Судебная документация как жанр юридического дискурса [Текст] / М.С. Шевченко // Гуманитарные и социальные науки (электронный журнал). www.hses-online.ru. – Ростов-на-Дону, 2016. – № 1. – 0,4 п.л.

8. Шевченко, М.С. Прагматический потенциал юридического дискурса [Текст] / М.С. Шевченко // European Social Science Journal («Европейский журнал социальных наук»). Общественные науки. – Москва, 2016. – № 2. – Т. 1. – 0,4 п.л.

9. Шевченко, М.С. Особенности репрезентации аргументирующих функций в военно-правовом дискурсе [Текст] / Жолос Л.М., М.С. Шевченко // Гуманитарные и социальные науки (электронный журнал). www.hses-online.ru. – Ростов-на-Дону, 2017. – № 5. – 0,6 / 0,4 п.л.

10. Шевченко, М.С. Терминологические и нетерминологические особенности перевода военно-правовой документации [Текст] / Жолос Л.М., М.С. Шевченко // Гуманитарные и социальные науки (электронный журнал). www.hses-online.ru. – Ростов-на-Дону, 2017. – № 6. – 0,6 / 0,4 п.л.

Другие научные публикации:

11. Медведева, М.С. К вопросу об особенностях перевода текстов юридического профиля [Текст] / М.С. Медведева // Наука. Образование. Культура: вклад молодых исследователей: материалы Первой Международной научной конференции преподавателей, аспирантов. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный технический университет, 2012. – 0,3 п.л.

12. Медведева, М.С. Клише в судебной монологической речи адвоката [Текст] / М.С. Медведева // Экономические, экологические и социальные проблемы угольных регионов СНГ: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Издавництво Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля, 2013. – 0,4 п.л.

13. Медведева, М.С. Употребление и способы перевода страдательного залога в текстах правовой тематики [Текст] / М.С. Медведева // Экономические, экологические и социальные проблемы угольных регионов СНГ: материалы VII Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Издавництво Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля, 2014. – 0,3 п.л.

14. Медведева, М.С. Специфика перевода юридических текстов [Текст] / М.С. Медведева // Язык: категории, функции, речевое действие: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. – Коломна, 2015. – 0,3 п.л.

15. Шевченко, М.С. Трудность перевода юридического дискурса с учетом особенностей военной документации [Текст] / М.С. Шевченко // Вестник непрерывного образования. Научно-образовательный журнал. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 2. – 0,6 п.л.